

манихейства до пелагианства; и борьба гностицизма, его попытка «поглотить» христианство как религию и его пессимистическая этика; и возникшее почти одновременно с христианством последнее античное учение — неоплатонизм (Плотин, Порфирий) с этическим учением об эманации, оказавшим (через Псевдо-Дионисия Ареопагита) существенное влияние на трактовку христианского символа веры и проблему благодати (а в Византии — на учение об «обожении»).

За эти пятьсот лет христианство, при всех превратностях, из гонимого учения становится господствующей духовной силой, которую признают и король остготов Теодорих, и последний единый правитель Восточной и отвоеванной у остготов Велизарием Западной части Римской империи Юстиниан (не пытавшийся, в отличие от Диоклетиана, провозглашать себя Богом, но, на время своего правления, подчинивший своей светской власти римских первосвященников).

Авторитет христианства признает и «последний римлянин» Боэций, в «Утешении философией» пытавшийся соединить учение о предопределении со свободой воли человека¹.

христианской агапе и греческого эроса, переоценка христианством традиционных античных («языческих») ценностей, проблема бессмертия души и проблема смысла истории и жизни человека (см.: Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. В 4 т. Т. 2. Средневековье. С. 8-22). Очевиден либо опосредованный, либо непосредственный этический смысл каждого из этих моментов.

¹ Г. Г. Майоров так суммирует поиск Боэция: «...Божественное познание осуществляется в вечности и под углом зрения вечности... Бог видит будущее тем же способом, что настоящее и прошлое — именно так, как оно когда-то состоится... Но все-таки и возможность выбора, и способность управлять своими стремлениями у человека сохраняется, даже если то, что мы изберем и что пожелаем, заранее известно Богу, ибо оттого, что кто-то наблюдает за моими действиями, они не перестают быть моими, а наблюдает за нами и опекает нас сам Бог, создавший нас разумными, а значит, и свободными по своему образу и подобию. Из всего этого следует, что человек предопределен к свободе и поэтому сам творит свою судьбу, и ничто не может сделать его несчастным, если он живет по правде и творит добро» (см.: Майоров Г. Г. Судьба и дело Боэция // Боэций. Утешение философией и другие Трактаты. М., 1990. С. 413). Остается лишь напомнить, что Боэций писал «Утешение философией», находясь в тюрьме по ложному обвинению в заговоре, и был казнен, как и защищавший его Симмах.